

Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР

Статья первая

Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.², *

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Поиски ответа на вопрос о причинах распада Советского Союза бессмысленно начинать, анализируя события восьмидесятых годов прошлого века, более того — рассматривая советскую форму организации государства и общества, необходимо помнить о том, от чего отталкивались создатели советской модели — от практик, апробированных в Российской империи.

Ключевые слова: СССР, Российская империя, территориально-политическое устройство, национальный фактор, Конституция, реформирование

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР. Статья первая // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 10–17.

Why the Reasons for the Collapse of the USSR should be Sought before the USSR Formation. First Article

Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich², *

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

It is pointless to begin the search for an answer to the question about the reasons for the collapse of the Soviet Union by analyzing the events of the eighties of the last century, moreover, considering the Soviet form of organization of the state and society. It is necessary to remember what the creators of the Soviet model relied on practices tested in the Russian Empire.

Keywords: USSR, Russian Empire, territorial-political structure, national factor, Constitution, reform

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Why the Reasons for the Collapse of the USSR should be Sought before the USSR Formation. First Article // Administrative consulting. 2020. N 10. P. 10–17.

Примерно 30 лет назад прекратило свое существование мощное государство, обладающее значительным экономическим и демографическим потенциалом, всеми современными системами вооружения, авторитетом на международной арене, членством в Совете Безопасности ООН и прочее, прочее, прочее...

Цена вопроса — распада СССР — оказалась чудовищной. Советник Президента РФ Валерий Фадеев отмечает: «В войнах на территории бывшего Советского Союза погибло от 300 до 600 тысяч людей. Избыточная смертность в России в 1990-е гг. и в начале 2000-х оценивается почти в четыре миллиона человек, безвременно умерших от инфарктов, алкоголизма, самоубийств, вызванных нарушением привычного

хода жизни, потерей смысла этой жизни. Это цена распада Советского Союза и приобретения нового строя, в частности, и в первую очередь — политических прав и свобод» [5]. Соглашаясь с автором, зададимся вопросом, зачем 4 000 000 покойников политические права и свободы? В какой степени те, кто остался жить, были согласны на подобную замену «брежневского застоя»?

Коротко об исследованиях распада СССР, осуществляемых в последние десятилетия, написать невозможно. Если попытаться составить библиографию академических и экспертных трудов по этому вопросу, то полученный список сам станет тяжелой во всех отношениях монографией.

Представляется закономерным то обстоятельство, что данное событие привлекает множество ученых, которые совсем по-разному расставляют акценты, занимаются каждым автором по-своему. Общим можно считать то, что практически никто не отрицает значение, масштаб этого события. Сформулируем позицию авторов. Мы с уважением относимся ко всем точкам зрения по данному вопросу. Однако не можем согласиться с попытками объяснить столь сложные процессы и их трагический результат действием одного фактора. Логичным представляется иной подход, когда авторы тот или иной фактор считают наиболее значимым и доказывают значимость этого фактора в своих работах.

Авторская позиция именно такая. Мы признаем, что распад Советского Союза — это результат сочетания внешних и внутренних факторов. Укажем и на то, что точка зрения, основанная на том, что решающая роль в распаде СССР принадлежит внешним факторам, нами не разделяется. Победные реляции наших оппонентов (вспомним, к примеру, монографию П. Швейцера «Победа») выглядят недостаточно убедительно [12]. В какой степени можно считать победителем адмирала, чей противник не сделал ни одного выстрела, при этом его визави завел свой флот на собственное же минное поле, старший помощник спустил флаг, командиры боевых частей написали заявление о переводе на другую работу, а боцман продал боезапас с еще не утонувшего флагмана?

Проблема Советского Союза была именно в том, что его внутренняя конструкция содержала в себе противоречия. Эти противоречия прежде всего были связаны с территориально-политическим устройством.

Предметом статьи является оценка роли территориально-политического устройства как фактора распада государства.

Объектом данной статьи является при этом не Советский Союз, как следовало бы предположить, а Российская империя. С точки зрения авторов построение советской модели территориально-политического устройства произошло при игнорировании значительного и в целом положительного наследства Российской империи в сфере территориально-политического управления.

Если сравнивать знаковые признаки распада государства с внешними эффектами, предшествующими началу театрального действия, то можно сказать, что «третий звонок», плавно переходящий в августовский реквием по СССР, прозвучал именно в Прибалтике. Ситуация в Литве, Латвии и, конечно же, в Эстонии окончательно показала неспособность союзного центра решить проблему реформы государственного устройства.

В национальном вопросе СССР начал колебаться между неумелыми проявлениями «великодержавной» силы и «либеральной» слабости примерно с 1988 г. Но и «великодержавная» сила, и «либеральная» слабость возможна лишь в рамках одной четкой программы действий. В 1988–1991 гг. ее не было. Пытаясь найти наиболее четкое и компактное определение того, что происходило в 1990-е, В.П. Федоров (член-корреспондента РАН, заместитель директора ИЕ РАН) писал: «...новая власть наносила себе поражения, одно за другим, отдавая в чужие руки отечественную географию и историю» [10].

Рассмотрим подробнее вопросы, связанные с географией российского государства, с позиций постановки управленческих задач. Территориальные масштабы России являются тем условием, которое обязательно следует учитывать при подготовке планов, концепций социально-экономического развития. География создала уникальные предпосылки для социально-экономического развития России. Столкнувшись с феноменальной природной и этнической разнородностью, имперская бюрократия методом проб и ошибок сформировала модель управления, к которой следует присмотреться именно сейчас, когда советский опыт стал историей, и постсоветские практики показали свою ограниченную эффективность.

Впрочем, советский опыт не менее значим: построить «социализм в отдельно взятой стране» не было бы возможно, если бы эта страна не обладала огромной и разнообразной территорией, где представлены почти все природные условия и почти все мыслимые ресурсы. Победы революция в иной стране, ей пришлось бы так или иначе участвовать в международном разделении труда, иметь конвертируемую валюту, и тогда ценовая политика уже не проводилась бы по усмотрению партии и правительства, и контроль их над экономикой был бы иным, не безраздельным. Естественно, в этом случае «железный занавес» не был бы опущен, ибо участие в экономической гонке требует широких контактов, в том числе политических. Разнообразии ландшафтов и типов их хозяйственного использования позволило населению страны пережить коллективизацию, террор, войну. Однако указанный феномен не был в должной мере исследован и использован в практике территориального развития. В этом заключена одна из причин недостаточной разработанности теории и внедрения в практику территориального управления и планирования, слабой выраженности территориального начала во всей системе регулирования общественного развития. Налицо парадокс: огромная страна с отчетливо выраженной дифференциацией природных, экономических, национальных и культурно-исторических условий в своем развитии не может и пока не умеет использовать это огромное пространство, сделать его специфическим фактором успешного развития. При этом управление осуществляется по единому шаблону, во многом без учета специфики местных условий, региональных интересов. К тому же заметим, что научной разработкой территориальных проблем занимаются главным образом специалисты по социально-экономической географии без помощи и участия других обществоведов и, как правило, без специалистов в области физической географии. Сам процесс общественного развития в силу этого не получает адекватного истолкования. Соответственно, и научное обоснование стратегии развития (как и оперативного управления) не содержит в себе необходимой степени конкретности, отражающей всю сложность реальных условий жизнедеятельности общества. Разумеется, теоретическая разработка проблемы роли территории в развитии общества — специальная и сложная задача. Не претендуя на ее решение, мы считаем необходимым сформулировать лишь некоторые положения, имеющие принципиальный характер и выступающие отправной точкой для анализа проблем территориального развития общества на современном этапе.

Достаточно очевидная авторитарная сущность советского режима¹ не мешала Советскому Союзу в юридическом отношении представлять собой квазиконфедерацию союзных республик, каждая из которых формально имела право свободного (то есть без согласия «Центра» и остальных республик) выхода из Союза. Правовая формула, заложенная в Конституцию СССР 1977 г., была несущественным элементом конструкции в условиях стабильности, но сработала в условиях ослабления власти как катализатор разрушения государства. Однако проблемы Конституции 1977 г. были заложены существенно раньше.

¹ Авторы не уверены в том, что авторитарность — это критический недостаток.

В советской литературе сложилось давнее, достаточно единое и весьма далекое от истины мнение о том, что «Россия — тюрьма народов» и унитарное государство, лишенное реальных элементов федерализма. Однако если внимательно перечитать материалы дискуссий 20-х гг. прошлого века, то можно увидеть много интересно-го и нового.

Академик И. Г. Александров писал еще в 1921 г.: «Титул российского императора до последнего времени сохранял в себе след федеративного начала, отдельные области русского государства называются царствами и княжествами и т. п., указывая на то, что носитель власти соединил в себе сумму суверенных прав, принадлежащих раньше самостоятельным властителям. Однако не было случая, чтобы присоединение какой-либо области к России сопровождалось сохранением за ней суверенных прав, и наибольшая свобода, которой пользовались некоторые части бывшей империи, была автономия. Так было в течение некоторого времени в Польше и до отделения в Финляндии» [1, с. 72]. Позволим себе не согласиться с приведенным мнением.

На самом деле, в империи существовали не только «следы» федерализма, территориально-политическое устройство России было весьма гибким. Де-факто и де-юре существовало не только административно-территориальное деление — система территориальной организации государства, на основе которой образуются и функционируют органы государственной власти и управления, но и политико-территориальное деление (табл. 1, 2), характерное для федеративных государств.

Согласно нашим подсчетам, ту или иную степень автономии в политической и экономической сфере имели земли, составляющие не менее 35% территории империи:

1. Великое княжество Финляндское.
2. Царство Польское.
3. Так называемые «Западные губернии».
4. Остзейские (Балтийские) губернии.
5. Хивинское ханство.
6. Бухарский эмират.
7. Киргизская и Калмыцкая орда.
8. Земли Всевеликого войска Донского и другие казачьи земли.

Таблица 1

Удельный вес основных национальных районов в населении России

Table 1. Share of the main national regions in the population of Russia

Районы	1795	1897
Всего по России, тыс. чел. обоего пола	36 155,2	116 235,1
В том числе, %:		
Прибалтика	3,3	2,1
Литва	4,5	4,1
Белоруссия	6,6	4,6
Украина	21,9	21,6
Молдавия	—	1,7
Закавказье	—	4,7
Средняя Азия	—	4,6
Казахстан	—	2,0
Итого	36,3	45,4

Источник: [8, с. 14].

Соответственно, возникает вопрос: можно ли считать унитарным государство, имеющее такое сложное территориально-политическое устройство? С нашей точки зрения, нет. В свою очередь сложность национального состава усиливалась разнообразием управления на всех уровнях.

Обратимся к табл. 2.

С нашей точки зрения, приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что, даже не принимая во внимание национальный фактор, российские управленческие практики оказались очень сложными. Укажем и на то, что удельный вес национальных районов нарастал не только в территории, но и в населении.

Интереснейший вопрос связан с оценкой роли национального фактора в революции. Ослабление имперской власти справедливо связывают с национальными движениями, оформившимися на думских трибунах. Однако подчеркнем последо-

Таблица 2

**Характеристика территориально-политического устройства Российской империи
(на начало 1917 г.)**

Table 2. Description of the territorial-political structure of the Russian Empire
(at the beginning of 1917)

Административно-территориальные единицы	Количество		Средняя площадь, тыс. км ²	Средняя численность населения, тыс. чел.
	Российская империя	Территория современной России		
Первый уровень:				
Генерал-губернаторства	7	4	1400	5500
Кавказское наместничество	1	1	330	12 000
Великое княжество Финляндское	1	—	380	3000
Всего	9	5	1200	6000
Второй уровень:				
Губернии	78	37	140	1800
Области	21	10	520	1100
Округа (самостоятельные)	2	—	4	100
Градоначальства	9	3	0,2	700
Прочие (ханство, эмират, край)	3	1	нет данных	нет данных
Всего	113	51	190	1500
Третий уровень:				
Уезды	812	376	20	200
Округа	35	35	130	250
Отделы	11	11	15	150
Районы городские	27	27	нет данных	150
Прочие (приставства, участки)	4	4	40	20
Всего	889	453	25	190
Четвертый уровень:				
Волости	16 760	1060	1	10

Источник: [11, с. 38–39].

вательность. Манифестом от 6 августа 1905 г. император Николай II учредил Государственную думу и лишь 22 ноября 1905 г. подписал Манифест о предоставлении Финляндии автономии.

Статья профессора Будиловича, опубликованная впервые в 1907 г., дает верную диагностику: «Впервые встречаемся мы с понятием самоопределения народностей в ходе нашего «освободительного движения» на парижском съезде финляндских, польских, еврейских, армянских, грузинских, латышских и русских сепаратистов, автономистов, федералистов, социалистов и революционеров, происходившем 30 сентября 1904 г. В 3-й статье решения этого съезда установлено “право национального самоопределения”» [3, с. 84].

Революции 1917 г. имели прежде всего политический характер, а вот их последствия стали определяющими для территориального устройства Российской империи [7]. В прибалтийской и финской историографии справедливо указывается на то, что до Февральской революции в элите были мало представлены люди, выступающие за отделение от империи. Автономисты, выступающие с разных политических позиций, формировали костяк формирующихся национальных элит.

Постфактум, в эмиграции, этот вопрос обсуждался в документе «Основы Конституции Российского государства». Этот документ был написан в Праге в 1920 г. доктором К.П. Крамаржем — политическим деятелем и ученым Чехословацкой республики. Проект обсуждали П.Б. Струве, В.А. Маклаков, Б.В. Савинков, М.М. Винавер, князь Г.Е. Львов, М.А. Стахович и другие видные деятели русской эмиграции. Программный тезис документа выглядит так: «...для будущего развития России было бы большой опасностью, если бы внутреннему ее устройству предназначено было выполнять лишь одну задачу: обеспечить свободное развитие разных национальностей и таким способом уничтожить их сепаратизм. Из такой тенденции вышло бы недопустимое, для будущности особенно опасное устройство государства. Все не русское в России было бы, как бы нарочно, подчеркнуто. При беглом взгляде на карту России становилась бы ясной вся опасность, угрожающая ей от окраин»¹. Эти же вопросы активно обсуждались и в Советской России [2; 4; 6; 9].

Подведем промежуточные итоги. Продвигаясь долгим и сложным путем компромиссов, актуализируя опыт своих западных, восточных и южных соседей, Московское царство, а затем и Российская империя сформировали модель территориально-политического управления, предельно далекую от унификации. Законодательное устройство Великого Княжества Финляндского не было похоже на правовые режимы польских губерний и остзейских провинций. Управленческие модели Закавказья отличались от Туркестана и Хивинского ханства принципиальным образом. Многообразие управленческих моделей обеспечивало имперской конструкции достаточную гибкость. Важность такой организации была очевидна на фоне австро-венгерской, турецкой/османской империи, французской империи. Лишь британская империя, над которой действительно никогда не заходило солнце, могла похвастаться еще большим разнообразием политико-правовых форм.

И последнее: сложная система управления могла работать в условиях сильной власти. Ослабление ее, а тем более — гибель империи предполагала то, что на ее развалинах возникнет заведомо более примитивная форма территориально-политической организации. Но об этом в следующей статье.

Литература

1. Александров И.Г. Экономическое районирование России // Вопросы экономического районирования СССР. М., 1957.

¹ Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 352.

2. Бройдо Г. И. Национальный и колониальный вопрос. М. : Московский рабочий, 1924.
3. Будилевич А. С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины // Ревель. Русский исторический журнал. 1991. № 1. С. 50–94.
4. Гессен С. Я. Окраинные государства: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Л. : Прибой, 1926.
5. Гурова Т., Ивантер А. Только свободные люди могут дойти от Москвы до Тихого океана [Электронный ресурс] // Эксперт. 2020. № 42 (1180). URL: <https://expert.ru/expert/2020/42/tolko-svobodnyie-lyudi-mogut-dojti-ot-moskvyi-do-tihogo-okeana/>
6. Ильинский И. Д. Государства западного рубежа. Ленинград : Госиздат, 1925.
7. Капплер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 2000.
8. Кузнецов С. В., Межевич М. Н. Территориально-политическое устройство России и проблемы хозяйственной организации: уроки и итоги имперского периода // Экономика и управление. 2016. № 2 (124). С. 10–15.
9. Лиетувис. С Германией или с Россией? Ближайшие судьбы Польши, Украины, Финляндии, Литвы, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Кавказа, Крыма. Петроград — Москва, 1918.
10. Федоров В. П. Актуальные уроки: против односторонних уступок : аналитическая записка // Европейская аналитика. 2017. С. 15–24.
11. Ходачек А. М. Региональное управление и экономика: складывающиеся тенденции // Гуманитарные науки. 1999. № 2. С. 35–44.
12. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. М. : Авеста, 1995.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Alexandrov I. G. Economic zoning of Russia // Issues of economic zoning of the USSR. Moscow, 1957. (In rus)
2. Broido G. I. National and colonial question. Moscow : Moscow worker, 1924. (In rus)
3. Budilovich A. S. Can Russia give its outskirts to foreigners // Revel. Russian History Journal [Revel'. Russkii istoricheskii zhurnal]. 1991. No. 1. P. 50–94. (In rus)
4. Hessen S. Ya. Outskirts: Poland, Finland, Estonia, Latvia and Lithuania. Leningrad : Surf, 1926. (In rus)
5. Gurova T., Ivanter A. Only free people can get from Moscow to the Pacific Ocean [Electronic resource] // Expert [Ekspert]. 2020. No. 42 (1180). URL: <https://expert.ru/expert/2020/42/tolko-svobodnyie-lyudi-mogut-dojti-ot-moskvyi-do-tihogo-okeana/> (In rus)
6. Ilyinsky I. D. States of the Western frontier. Leningrad : Gosizdat, 1925. (In rus)
7. Kappler A. Russia — a multinational empire: emergence, history, collapse. Moscow, 2000. (In rus)
8. Kuznetsov S. V., Mezhevich M. N. Territorial-political structure of Russia and problems of economic organization: lessons and results of the imperial period // Economics and management [Ekonomika i upravlenie]. 2016. No. 2 (124). P. 10–15. (In rus)
9. Liyetuvis. With Germany or with Russia? The immediate destinies of Poland, Ukraine, Finland, Lithuania, Belarus, Estonia, Latvia, the Caucasus, Crimea. Petrograd — Moscow, 1918. (In rus)
10. Fedorov V. P. Current lessons: against unilateral concessions: an analytical note // European analytics [Evropeiskaya analitika]. 2017. P. 15–24. (In rus)
11. `zKhodachek A. M. Regional administration and economics: emerging trends // Humanities [Gumanitarnye nauki]. 1999. No. 2. P. 35–44. (In rus)
12. Schweitzer P. Victory. The role of the secret strategy of the US administration in the collapse of the Soviet Union and the socialist camp. Moscow : Avesta, 1995. (In rus)

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru